

УДК 93/94 (430).041

А.С. Вершинин

**ГРИММЕЛЬЗГАУЗЕН И НАЖИВА:
ТРАДИЦИЯ И ЕЕ МЕНТАЛЬНЫЕ МУТАЦИИ
НА ГЕРМАНСКОЙ ПОЧВЕ КАМУНА НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Анализируются приведенные в романе Г.Я.К. Гриммельзгаузена «Симплициссимус» модели поведения, связанные с приобретением богатства, представляющие собой архетипы, существовавшие в Германии в первой половине XVII в. Демонстрируется специфика ментальной мутации понятия «наживы» на германской почве в течение Тридцатилетней войны.

Ключевые слова: Симплициссимус, ландскнехты, Тридцатилетняя война, ментальность.

«Эге, Симплиций, возведи себя во дворянство, – наwerbовав из своего кошелька отряд драгун императору – вот и готов молодой господин, который со временем вознесется ещё выше! Но когда я принимал в соображение, что мое величие может разлететься в первой же, неудачной схватке или вскорости быть низвергнутым вместе с войной при заключении мира, то у меня пропала к этому всякая охота. Вот когда ты возмужаешь, – сказал я самому себе, – то возьмешь красивую, молодую, богатую жену, а там купишь какое ни есть дворянское поместье, да и заживешь на покое. Я собирался разводить скот и честным путем получать свой большой барыш» [1. С. 192]. Такие два способа получения прибыли определяет Г.Я.К. Гриммельзгаузен в своем романе «Симплициссимус» перед главным героем. Роман был написан автором на основе собственного опыта о Тридцатилетней войне и отразил специфику ментальных мутаций в Старой Империи в первой половине XVII в. Особую ценность романа как исторического источника в отечественной историографии впервые отметил Б.Ф. Поршнев в работе «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства» [2. С. 82–112].

Гриммельзгаузен описывает два возможных варианта эффективного вложения средств с целью получения наживы. Первый связан с развитием военной карьеры и покупкой дворянства. Такой выбор был характерен для большинства ландскнехтов, стремившихся, в случае захвата большого военного трофея, превратиться из рядового кнехта в капитана. Регенерация варварских установок сознания, в соответствии с которыми лучше сразиться и ограбить и таким образом получить добычу, чем ждать от земли непредсказуемого урожая в условиях Тридцатилетней войны [3. С. 271–272], когда возрастали риски его получения и сохранения в связи с военными действиями, происходит особенно легко. Причем, как заметил ещё Г. Дельбрюк: «Не верно, что только всякий сброд и преступники шли на призывный бой барабана вербовщика. Масса состояла из сыновей бюргеров и крестьян, что из хороших семей; патриции и рыцари служили среди них на двойном окладе жалования» [4. С. 47]. Беспрецедентно возросшая масса военных наемников в период Тридцатилетней войны втянула в орбиту своих представлений широкие слои населения, передавая им груз негативных установок, связанных с наживой. Само государство способствовало расширению этого процесса. В 1625 г. с началом Датско-

го периода войны (1625–1629) Валленштейн модернизировал систему Мансфельда, суть которой сводилась к тому, что военачальник, произведя подсчет «рациона» воинской части на период постоя, передавал его гражданским властям, а те обязывались произвести его раскладку на местное население в денежной либо натуральной форме. В основе модернизации лежал переход от натурального фуража к денежному, который должен был собираться с оккупированных территорий на правах военных трофеев ландскнехтами. К оккупированным территориям относилась вся территория Империи, не принадлежавшая лично Императору или курфюрсту Баварскому [5. С. 79]. Таким образом, Гальберштадтский ордонанс, подписанный Фердинандом II, санкционировал хищнические устремления как рядовых ландскнехтов, так и офицеров.

Негативные явления, вызванные ордонансом, катализировали процесс люмпенизации населения, породив наёмников типа Гриммельзгаузена и его героя Симплициссимуса, – людей, насильно вырванных войной из своей социальной среды. Причем дело не только в экономико-политических причинах этого явления, которые, конечно, важны, но и в существовании практики похищения ландскнехтами здоровых мальчиков из городов и деревень для использования их в качестве слуг. (Гриммельзгаузен, будучи подростком, был похищен кроатами. Этот сюжет из биографии автора нашел свое отражение в тексте романа «Симплициссимус»: главного героя также похищают во время налета на крепость кроаты [1. С. 107–109]). В результате юноши, покинувшие свою социальную страту в период идентификации с ней, получали затяжной кризис идентичности: с одной стороны, сохранялись заложенные воспитанием установки той социальной среды, из которой они происходили, с другой – усваивались совершенно противоположные ценности, привитые корпорацией ландскнехтов.

У Гриммельзгаузена можно найти, казалось бы, парадоксальные примеры того, как ценность денег отступает перед возможностью приобретения новых социальных связей, направленных на интеграцию в корпорацию ландскнехтов: «А все деньги, коим одаривали меня офицеры, я снова щедро расточал, ибо тратил их до последнего геллера, потягивая с добрыми приятелями гамбургское и цербстское пиво, каковы сорта мне более всего пришлись по вкусу, невзирая на то, что всюду, куда бы я ни пришел, я мог вдоволь попить на дармовщину» [1. С. 119]. Причем в процессе этой интеграции работает один из наиболее архаичных регуляторов человеческого общества – реципрокный обмен: «Ибо я умел наказывать строптивых и щедро вознаграждать тех, кто оказал мне хотя бы наименьшую услугу, так что едва ли не половину своей добычи вновь раздавал или тратил на своих соглядатаев. Оттого мой кошелек стал так же увесист, как и моя репутация» [1. С. 148]. Таким образом, устойчивая установка земледельца или ремесленника, связанная с бережливостью, начинает претерпевать эрозию сразу же со вступлением в ряды ландскнехтов. Такое отношение к богатству, при котором необходимо скорее раздавать, чем копить и приумножать, было свойственно средневековому рыцарскому сознанию. Однако в данном случае оно имеет иные смысловые коннотации. Идеалы и ценности рыцарского сословия привлекали ландскнехтов. Однако привлекала именно внешняя сторона престижности

обладания данным имиджем. Основной пласт ценностей, связанных с характером деятельности ландскнехта, был все же иным, свидетельствующим о деформации этого агента социального поля. Ещё в середине XVI в. Джироламо Музио в своём дуэльном трактате признаёт право рядового солдата (не рыцаря) на поединок, поскольку оружие аноблирует человека в случае, если военная профессия – его единственное занятие в мирное и военное время [б. С. 13]. Но ощущение причастности к людям военной славы, как свидетельствует анализируемый роман, являлось механизмом социально-психологической компенсации осознания несправедности своих действий. «А что касается опасности моего душевного состояния, то надобно знать, что, стоя под мушкетом, я порядочно одичал и стал человеком, который больше не печалует ни о боге, ни о своем слове: **не было такого злодейства и такой недоброй выходки, коих я не был способен совершить** (выделено мною. – *А.В.*)», – признается Симплициссимус в середине романа [1. С. 252].

Попытки через внешние признаки ассоциировать себя с рыцарским словом приводили к ряду мутаций ценностных установок. Сюжеты, связанные с попытками найти легитимное оправдание обогащению ландскнехтов путем ограбления населения, встречаются на протяжении романа постоянно. В центре таких попыток стоит своеобразное понимание рыцарской щедрости и благородства. Показателен в этом плане эпизод, приведенный в конце второй книги, связанный с кражей сала у попа в период бедствия отряда ландскнехтов и последующим многократным возмещением ему ущерба после захвата добычи [1. С. 150–155].

При всей внешней схожести, образ «Робин Гуда – благородного разбойника» не соотносится с образом ландскнехта. В одном случае в центре стоит попытка социального перераспределения богатства, в другом – стремление к собственной выгоде, через препарированное понимание благородства. «В остальном же я был слишком высокого о себе мнения, чтобы красть у бедняков, ловить кур или подбирать, как мышь, какие-либо крохи», – говорит Симплициссимус, объясняя мотивы своего поведения в ситуации со священником [1. С. 160]. Главным же отличием от рыцарской щедрости, основу механизма действия которой составляет необходимость приобретения авторитета у вассалов, является то, что щедрость ландскнехта связана с желанием сохранить награбленное богатство от своих же «товарищей»: «Я также был вполне убежден, что мной бы скоро пожертвовали, если бы я не был столь щедр» [1. С. 160].

Вышеприведенные сюжеты, свидетельствующие о деформации сознания «человека войны» в обозначенную эпоху, соседствуют на страницах романа с противоположными. Гриммельзгаузен отвергает вариант вложения средств в войну, стараясь показать ненадежность отдачи. Возможно, он намекает на судьбу полководца Валленштейна, стремившегося к имперской короне через приобретение чешского курфюршества, но потерпевшего крах во всех своих планах. Во втором варианте, предлагаемом автором своему герою, видятся как прочные культурные традиции, которые были наработаны в германской крестьянско-бюргерской среде в предыдущие столетия, так и собственный опыт Гриммельзгаузена. Ещё в начале романа он утверждает высокую, почти сакральную ценность труда на земле: «Презрен от всех мужицкий род; \ Од-

нако ж кормит весь народ... \ Весь свет давным-давно б поник, \ Когда б не жил на нем мужик. \ Пустыней стала бы земля, \ Когда бы не рука твоя» [7. С. 212–213]. Но не сам по себе труд как ценность привлекает автора, а его конечный результат. Работая экономом в замке Уленбург в период написания романа, Гриммельзгаузен знал о высокой прибыльности сельского хозяйства при его правильной организации. Стремление же к прибыли посредством честного труда мотивируется, прежде всего, таким качеством, как бережливость: «Всего и не перечислишь, чего можно достичь, обладая любезными денежками, ежели только уметь **правильно их держать и расходовать**», – пишет Гриммельзгаузен [1. С. 192]. Мотивировка автора «Симплициссимуса» по существу близка предпринимательской аскезе, проанализированной М. Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Она более чем красноречиво свидетельствует о специфике ментальных мутаций средневековой традиции в эпоху Перехода на германской почве, отчетливо выявляемой при сопоставлении с испанским вариантом подобного рода динамики (Подробнее об этом см. [8]).

Особый выбор Гриммельзгаузена, не соответствующий выбору большинства германского общества, демонстрирует относительную прочность в немецком сознании позитивных установок, связанных с «честной наживой» и трудом, наработанных в предшествующую эпоху. Само существование такого типажа показывает тот скрытый резерв мотиваций и установок, репрессированный под воздействием негативных явлений в Германии XVII в., который в будущем при возникновении более благоприятных экономических и политических условий в отличие от Испании способствовал ускоренной модернизации. Подытоживая, замечу, что проведенная реконструкция изменений менталитета, отраженных в анализируемом источнике вполне коррелирует с теорией среднего уровня – в данном случае теорией процессов Перехода В.М. Ракова [9]. В то же время она позволяет и уточнить специфику германского варианта этих процессов в зоне так называемой полупериферии, а стало быть, поставить вопрос о необходимости внесения уточнений в комплекс концептуальных положений предложенной пермским исследователем модели типологизации процессов перехода к Новому времени.

Литература

1. Гриммельзгаузен Г.Я.К. Симплициссимус. Л., 1961.
2. Поринев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
3. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.
4. Дельбрюк Г. История военного искусства. В рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4.
5. Прокопьев В.П. Государство и армия в истории Германии X–XX вв. Калининград, 1998.
6. Николаева И.Ю., Карначук Н.В. История средневековой культуры. Ч. 2: Культура рыцарской среды. Томск, 2003.
7. История зарубежной литературы XVII века / Под. ред. М.В. Разумовской. М., 2001.
8. Папушева О.Н. Кризис испанского общества конца XVI – первой половины XVII в. сквозь призму полидисциплинарного анализа ментальности пикаро (по материалам плутовского романа): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005.
9. Раков В.М. «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI–XVII вв.). Пермь, 1999.